

УДК 349.2
DOI 10.52452/19931778_2022_4_123

ТРУДОВОЕ ПРАВО КАК СРЕДСТВО МИНИМИЗАЦИИ «ПРОВАЛОВ РЫНКА» В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2022 г.

А.М. Лушников

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль

amlu0909@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.05.2022

Проводится анализ распространенного в экономической науке учения о «провалах рынка». Рассмотрено общее учение о данном феномене, связанное с именем британского экономиста А. Пигу. Обращено внимание на предложения по устранению последствий «провалов рынка» средствами трудового права. На основе данного учения сформулированы предложения по разрешению современных проблем, связанных с регулированием трудовых отношений.

Ключевые слова: «провалы рынка», А. Пигу, трудовое право, заработная плата, рабочее время.

Большинство исследователей, занимающихся современными проблемами труда и трудового права, согласны с тем, что данные феномены переживают в настоящее время период трансформации. В этом единодушны как юристы, так и экономисты, социологи, политологи. При этом наименования текущего состояния общества и экономики обозначаются по-разному. Общество традиционно именуют «информационным», «постиндустриальным», «посткапиталистическим» и др. В отношении экономики пишут о «промышленности 4.0», «четвертой научно-технической революции», «четвертой (или третьей) технической революции», «второй эре машин» и др. Относительно новыми являются такие термины, как «шеринговая экономика», «экономика совместного использования», экономика «по требованию», «гиг-экономика» [1–4]. В данном случае дело не в терминах, а в том, что все это вызывает изменения в организации труда и, в конечном итоге, существенно влияет на эволюцию правового регулирования трудовых отношений, о чем уже неоднократно отмечалось в литературе [5, с. 9–30; 6; 7, с. 149–194; 8, с. 17–61]. Упоминали об этом и в наших предыдущих публикациях [9–11].

В данной статье нам хотелось бы обратить внимание на подходы к трудовому праву как средству минимизации «провалов рынка», свойственных именно новому информационному обществу. При этом будет сделан необходимый теоретический и исторический экскурс, а затем рассмотрена современная проблематика. При этом «провал рынка» – не публицистическая фигура речи, а вполне устоявшийся термин, сформировавшийся в рамках экономики и экономической социологии. Его автором считается британский экономист А. Пигу (1877–1959), бывший много лет профессором Кембриджско-

го университета. В его учении содержится мощный социальный заряд, что делает его особо актуальным именно для трудового права. Он в этой связи отмечал: «Началом же экономической науки является не страсть к знаниям, а общественный энтузиазм, который восстает против убожества грязных улиц и безрадостности загубленных жизней».

Учение А. Пигу о «провалах рынка» изложено в основном в его двухтомном исследовании «Экономическая теория благосостояния», впервые опубликованном в 1920 г. Значительная часть его работы прямо или косвенно посвящена проблемам, связанным с регулированием трудовым правом. На нее мы и будем опираться в дальнейшем [12, с. 403–489; 13, с. 6–397]. Сначала мы рассмотрим общие подходы ученого к обозначенным провалам, затем их специфическое проявление в связи с трудовыми отношениями.

А. Пигу начинал с изучения экстерналий, которые вывели его на учение об экономической теории социальных издержек, связанных с «провалами рынка». Под экстерналиями подразумевались внешние эффекты, которые распространялись на лиц, непосредственно не участвующих в данном виде деятельности (производстве или потреблении) либо участвующих вынужденно. Эти экстерналии, считал Пигу, возникают потому, что ресурсы и продукты движутся в различных направлениях и через разных лиц. Например, построенную предприятием дорогу могут бесплатно использовать другие лица, не финансирующие ее строительство. Это относится и к объектам общественной инфраструктуры, например маякам, которыми бесплатно пользуются участники морских перевозок.

Эффект иного рода образуются при производстве табачных изделий, приносящих при-

быль, но ухудшающих состояние здоровья населения, или когда завод выбрасывает на город копоть и дым, загрязняя окружающую среду.

В первом случае предельный общественный чистый продукт увеличивается (положительные экстерналии), в последнем частная выгода превышает общественный продукт (отрицательные экстерналии). Примечательно, что к отрицательным экстерналиям были отнесены несчастные случаи на производстве, профессиональные заболевания, последствия применения детского и женского труда. Так, подписывая трудовой договор, работники могут не знать о последствиях работы для их здоровья в силу недостатка информации или отсутствия необходимых знаний. Дети такими знаниями не обладают по определению, а женщины могут заблуждаться в отношении влияния оборудования и расходных материалов на здоровье их будущих детей.

По мнению большинства экономистов, это было одно из самых тонких наблюдений Пигу, и его заслуга состоит в том, что он попытался ввести такие явления в сферу экономического анализа, хотя его понятия не отличались особой точностью. Из этого подхода вытекало, что некоторые нововведения могут повлечь за собой определенные общественные издержки в результате вытеснения старых форм производства. Новая, более совершенная техника может создать трудные проблемы приспособления для тех, кто оказывается ее жертвами. Как и можно было ожидать, Пигу полагал, что для противодействия росту общественных издержек, вызванных нововведениями, целесообразно использовать налоги, субсидии и другие меры общественного и государственного контроля. Именно таким путем может быть ликвидирован разрыв между частным и общественным предельным чистым продуктом. Однако теоретический предел такому вмешательству – такая ситуация, когда цены предложения слишком высоки и только это оправдывает дотации и налоги.

Идея использования налогов и дотаций первоначально исходила от британского экономиста А. Маршалла (1842–1924), учителя А. Пигу, однако ученик применил ее к задаче устранения расхождений при наличии положительных или отрицательных экстерналий. В этой связи наиболее заметным вкладом А. Пигу в теорию экономического благосостояния была вышеназванная теория о «провалах рынка» и путях их преодоления. По его мнению, если бы свободная конкуренция обеспечивала экономическое благосостояние, то оно было бы относительно справедливым. Однако это только идеал, нереальный в условиях монополизации, а частный чистый продукт превышает общественный,

именно когда конкуренция заменяется монополией. Ученый утверждал, что отрицательные внешние эффекты (накладываемые расходы) должны быть компенсированы налогом, в то время как положительные внешние эффекты должны быть компенсированы субсидией. Следовательно, если предприятие загрязняет окружающую среду, то оно должно облагаться соответствующим налогом. Напротив, если предприятие участвует в инфраструктурных проектах (строительство дорог общего доступа, маяков и др.), то оно должно получать субсидии. Их цель, как уже говорилось, – снизить цену предложения. Ко всем остальным формам государственного вмешательства он относился весьма сдержанно. Не исключались и другие способы правового регулирования для воздействия на обозначенные провалы.

Однако простота и эффективность такого подхода была внешне обманчива. Это дало основание ряду экономистов возражать против предложения об использовании субсидий и налогов. Так, американец Ф. Найт (1885–1972) уже в 1924 г. в известной статье «Некоторые заблуждения в интерпретации общественных затрат» оспорил предложение Пигу о том, что загрузка дорог оправдывает участие государства в виде налогообложения использования дорог. Вместо этого Найт предположил, что приватизация дорог приведет к взиманию платежей за их использование, тем самым автоматически препятствуя их перегрузке. В данном случае американец сформулировал первую заповедь экономики права собственности: рынки будут эффективны только в том случае, если право собственности на ограниченные ресурсы будет определено совершенно ясно [14, с. 217–218]. Однако в отношении наемного труда такое возражение было неприменимо.

Другой американский ученый и лауреат Нобелевской премии по экономике (1982) Дж. Стиглер (1911–1991) подверг подход А. Пигу комплексной критике, считая его дорогой к краху всей экономики, в условный «огонь». Особенно возмутило американского ученого отнесение Пигу к провалам рынка ущерба здоровью ребенка при работе беременной работницы до самых родов и смерти работника при работе во вредных и опасных условиях труда, риск которой не компенсирован достаточно высокой зарплатой. Дж. Стиглер смело парировал, что если беременную работницу освободить от работы, то бедность может причинить детям еще больший вред. Пример про вредные и опасные условия труда, возможно, так возмутил Стиглера, что он оставил его без комментариев в духе «не хочешь – не работай», а коли выбрал такую ра-

боту – терпи. Любое государственное вмешательство в данном случае будет еще хуже, а рынок сам все исправит [15, с. 182–193]. Вероятно, формирования обязательной системы социального страхования, невозможной без государства, Стиглер даже не допускал, как и оплачиваемого отпуска работниц по беременности и родам или выплаты серьезной компенсации в случае смерти работника при несчастном случае на производстве.

Современные исследователи делают акцент на сложности сочетания налогов и субсидий для решения проблем экстерналий в рамках всей экономики [16, с. 234–235]. Однако это не помешало тому, что определенный ученым подход на многие годы стал основой преодоления негативных, в том числе ухудшающих экологию, последствий в развитых капиталистических странах.

В начале 1960-х гг. позиция по данному вопросу, выработанная Пигу, подвергалась критике со стороны британца Р. Коуза (1910–2013), который утверждал, что налоги и субсидии не нужны, если партнеры могут договориться о сделке в отсутствие трансакционных издержек [17, с. 126–146]. Считалось, что эта «теорема Коуза» начисто опровергает теорию «провалов рынка» и необходимость вмешательства в этот процесс со стороны государства [18; 19, с. 93–96]. Между тем Р. Коуз только предположил, что государственные меры могут создать ситуацию, когда они сами порождают еще больший ущерб, нежели исходные недостатки, т.е. когда «лекарство может оказаться хуже болезни». Кроме того, крайне сложно оценить размер внешних издержек. Однако, на наш взгляд, эта теорема только поставила проблему, но не поколебала общих выводов из учения А. Пигу. Больше того, на этом не настаивал и сам Р. Коуз. Данные предупреждения последнего актуальны и для правового регулирования трудовых отношений, ибо их излишняя регламентация может иметь обратный отрицательный эффект.

Стоит констатировать, что концепция «провалов рынка» и учение о «налогах Пигу», или «пигувианских налогах», остается в центре внимания современной экономической науки, особенно в части теории экономического благосостояния, причем это касается и проблем, связанных с наемными работниками [20–22]. Примечательно, что сам Пигу цепь своих размышлений начинал именно с того, что законодательство должно защищать и интересы последующих поколений от хищнического отношения к окружающей среде и здоровью родителей со стороны действующих представителей бизнеса. Отдельно стоит сказать о значении «пигу-

вианских налогов» для охраны окружающей среды, что затрагивает и проблемы охраны труда. В настоящее время существует «Клуб Пигу», который формально образован в 2006 г. и объединяет лиц, которые поддерживают идею налога на выбросы углеродов с целью решения проблемы глобального потепления. Примечательно, что этот клуб объединил экономистов, интеллектуалов и деятелей культуры самой разной идейной и политической ориентации. Возглавляет его американский экономист, республиканец и консерватор Г. Мэнкью (р. 1958). В него входили и входят такие видные экономисты, как нобелевские лауреаты по экономике Г. Беккер, Дж. Стиглиц, В. Нордхаус, Р. Талер, П. Кругман, К. Эрроу, а также Д. Аджемоглу, А. Блиндер, К. Рогофф, Д. Сакс, Л. Соммерс, два бывших главы ФРС – П. Волкер и А. Гринспен и др. Юристов в клубе представляют Д. Адлер, Д. Кайем, Р. Познер, Р. Ривес и др. Кроме того, туда входят изобретатели и бизнесмены Б. Гейтс и И. Маск, философ Н. Хомски, артист Л. Де Каприо и др. Многие специалисты подчеркивают, что именно отход от налогообложения углеродных выбросов в пользу торговли квотами на них объясняет неудачу Киотского протокола 1992 г. и Парижского соглашения 2015 г. и постепенный возврат к идее «пигувианских налогов». В части социального законодательства такой подход связан с увеличением страховых взносов работодателей, использующих вредные вещества.

В отношении трудового права начнем с очевидной констатации. Экономистов проблемы труда традиционно интересуют в контексте того, что наряду с товаром и капиталом он является фактором производства. Однако А. Пигу абстрактную идею общественного благосостояния перевел на конкретную почву достижения благосостояния наемных работников. Эта проблема волновала его всю научную карьеру, о чем свидетельствуют такие его книги, как «Безработица» (1914), «Теория безработицы» (1933), «Отклонения от полной занятости» (1947), «Занятость и равновесие» (1949). Не случайно он считал «рабочий вопрос» важнейшей экономической проблемой, а эффективный рынок труда и полную занятость – ключом к решению вопросов экономического благосостояния.

Примечательно, что Пигу изначально интересовали такие проблемы, связанные с рынком труда, которые его предшественники-экономисты либо не замечали, либо считали второстепенными. Речь идет о коллективных переговорах между работниками и работодателями, коллективных трудовых спорах и их экономических последствиях, жесткости и гибкости заработной

платы, сегментировании рынка труда, трудовом законодательстве и его влиянии на экономическое благосостояние, а не только на рост чисто экономических показателей. Достаточно сказать, что величину национальных дивидендов он ставил в зависимость от двух групп факторов: 1) труда, 2) прочих факторов, в том числе сил природы, многообразных видов умственной деятельности и различных видов капитальных активов. Некоторые исследователи увидели здесь намек на теорию «человеческого капитала», однако нам это кажется несколько надуманным и скорее близким к традиционному «человеческому потенциалу» и трудовой функции работника.

Можно выделить ряд направлений правового регулирования, которые ученый выделил для преодоления «провалов рынка».

1. С учетом подчиненного характера труда А. Пигу предложил создание правового механизма для достижения «промышленного мира», основанного на доверии и доброй воле как работников, так и работодателей. Однако он был далек от прекраснотуши и идеализма, веры в доброту работодателей, в связи с чем было предложено опираться на именно определенный механизм, использование которого дает надежду сохранить мир в промышленности. По факту это оказывается во многом правовой механизм социального партнерства [23, с. 49–73], действие которого зависит от типа разногласий между работниками и работодателями, которые разделены на две группы и связаны: 1) с вознаграждением за труд (денежная ставка зарплаты, цеховые штрафы, социальные добавки к зарплате (в денежной и неденежной форме)), 2) с действиями и обязанностями рабочих (прежде всего вопрос о продолжительности рабочего дня). Отдельную подгруппу второй группы составляют разногласия, связанные с разграничениями функций представителей родственных профессий, особенно споры из-за требований рабочих предоставить им возможность принимать участие в управлении. Последние связаны с порядком выполнения работ в смысле ее распределения между работниками различной квалификации; с источниками найма предпринимателем новых работников; с правом голоса рабочих при решении спорных вопросов, касающихся условий труда. Именно вторая подгруппа охватывает все вопросы, связанные с дискриминацией, предпочтением или исключительным правом членов профсоюзов при их поступлении на работу.

Он поддержал создание постоянных комиссий (правлений), состоящих на паритетных началах из работников и работодателей, кото-

рые будут работать с определенной периодичностью. Однако Пигу пошел дальше, предложил наделить эти комиссии правом разрешения не только трудовых споров о праве (например, о задержке выплаты заработной платы или незаконном штрафе и др., или «частные вопросы»), но и споров об интересе (определение условий труда, способов вознаграждения и др., или «общие вопросы»). При этом Пигу понимал юридическое разграничение данных видов споров и различную процедуру их разрешения.

Кроме того, в круг решаемых ими проблем должны были входить и вполне производственные и кадровые вопросы (порядка переподготовки кадров, промышленных исследований и др.). Это можно связать с будущей «доктриной человеческих отношений» и созданием климата доверия на предприятии. В частности, Пигу неоднократно писал о взаимном уважении, атмосфере доверия, трудовом партнерстве и даже «патриотизме в отношении фирмы». Однако в части наделения полномочиями данных комиссий Пигу шел существенно дальше. Примечательно, что он предлагал привлекать для консультаций юридические фирмы, выносить решение простым большинством голосов и даже усаживать председателя и вице-председателя (представляющих работников и работодателей) «бок о бок» для создания благожелательной атмосферы. Стороны он предложил считать скорее не противниками, а партнерами, что явно говорит об ориентации именно на социальное партнерство труда и капитала.

Однако спорные ситуации при этом неизбежны. В этой связи ученый разделяет трудовые споры, рассматриваемые примирительными комиссиями (что должно применяться как можно шире), и споры, передаваемые в трудовой арбитраж (что должно быть сведено к минимуму), когда комиссия не пришла к единому решению и есть оговорка об арбитраже. Далее Пигу рассмотрел порядок формирования трудового арбитража (который, желательно, должен состоять из одного человека – арбитра) и даже требования к личности арбитра (безупречная репутация, независимость и доверие у обеих сторон), причем последний должен избираться на первом же заседании правления на один год, а не для конкретного случая. Способом обеспечения исполнения обязательств, вытекающих из решения арбитража, ученый считал денежный залог, но только если он носит добровольный характер.

При этом не исключалось посредничество при решении трудовых споров, в том числе носящее неформальный характер. Государству отводилась важная роль при невозможности

разрешения спора самими спорящими сторонами. В этой части Пигу допускал, что переговоры сторон можно сделать обязательными, а решение сторон должно также приобретать обязательную силу. Далее допускалось обращение в суд и принудительное исполнение решений примирительных органов в отдельных организациях, определенных законом (транспорт, снабжение газом и водой и др.). Предполагалось и распространение при помощи правительства на всю отрасль какого-либо соглашения, заключенного между ассоциациями работников и работодателей, представляющими основную массу занятых в отрасли. Наконец, допускалось введение принудительного арбитража по примеру Австралии или Канады. При этом для иллюстрации государственного регулирования широко использовались законодательство и судебная практика Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии, Канады.

2. Явный провал связан с наличием у работодателя права произвольно устанавливать заработную плату. При этом А. Пигу видел возможные разрушительные последствия «промышленной войны» (стачки, забастовки, бойкоты, пикеты и др.) и предлагал работникам ориентироваться на экономические возможности работодателя при выдвижении требований о зарплате. Он считал справедливой ту заработную плату, которая равна предельному продукту труда. Такое положение является весьма абстрактным и отдает установление ее конкретного размера рыночным механизмом. Однако он жестко связывал размер заработной платы с производительностью труда и необходимость роста первой при возрастании второй. Профессор утверждал, что зарплата А справедлива в отношении зарплат Б, насколько производительность труда А соотносится с производительностью Б. Это вполне обоснованное суждение, связанное с выдвижением объективного критерия для установления равенства и дифференциации в оплате труда.

3. Явной социальной издержкой объявлялся слишком продолжительный рабочий день. В этой связи А. Пигу считал, что его надо сокращать, особенно в отношении женщин и детей. Да и для всех остальных категорий работников он считал желательным установить в законодательном порядке 8–9-часовой рабочий день, т.к. предприниматели в условиях конкуренции идут на «изнашивание работников». Не без основания утверждалось, что чрезмерное рабочее время ведет к усталости и падению производительности труда, к росту травматизма. Однако и увеличившееся время досуга представляло отдельную моральную ценность. Связь нацио-

нального дивиденда с продолжительностью рабочего дня была признана сложной, однако то, что рабочий день зачастую больше, чем требуют того интересы увеличения национального дивиденда, признавалось очевидным. Примечательно, что А. Пигу предупреждал о недопустимости злоупотребления сверхурочными работами, прежде всего во имя сохранения здоровья работников, а потери от запрета таких работ признавались значительно меньшими, чем может показаться.

4. Влияние рынка на труд носит комплексный характер, в связи с чем он одним из первых предложил комплексное правовое воздействие на его отрицательные последствия. Для этого предлагалось ввести «национальный минимум реального дохода», причем в весьма необычной трактовке. Он понимал его не как субъективный минимум удовлетворенности, но как объективный минимум условий. Он включал в себя императивный запрет женщинам и детям работать сверх установленной нормы часов, занимать жилье, не отвечающее нормальным требованиям, обязанность освобождать работающих женщин от работы на определенное время до и после родов. Такой минимум зависел от состояния экономики государства и в различных государствах мог быть разных размеров. На примере Великобритании была предпринята попытка определить этот минимум, связанный в том числе с размером заработной платы.

Современные «провалы рынка» в сфере трудовых отношений связаны с процессом информатизации и превращением информации в один из основных объектов общественных отношений. Естественно, что это сопровождается процессом цифровизации и даже формированием цифровой экономики и соответствующего ей цифрового права [24; 25, с. 607–622; 26, с. 253–294, 456–460]. В научном обороте используются и такие определения, как «экономика мобильных приложений», «экономика тотального надзора», «экономика впечатлений и внимания» и др. Все они завязаны на информацию и специфику информационного общества. В этой связи можно выделить следующие направления минимизации обозначенных провалов.

1. Работа с информацией, в том числе на платформах, размывает признаки трудовых отношений и ставит под вопрос их разграничение с другими отношениями, основанными на применении труда, прежде всего с гражданско-правовыми. Отметим, что современные исследователи выделяют пять видов платформ: 1) рекламные; 2) облачные; 3) индустриальные (промышленные); 4) продуктовые; 5) бережливые [27, с. 35–83]. Специфика правового регу-

лирования на них различная, однако в любом случае традиционная триада признаков трудовых отношений теряет в них свое четкое выражение. Речь идет о личностном, организационном и имущественном признаках. Они восходят в российской науке еще к трудам Л.С. Таля (1866–1933) и его учению о хозяйской власти [28, с. 99–188] и отражены в ст. 15 и 56 ТК РФ. В частности, установлено, что работник осуществляет работу «в интересах, под контролем и управлением работодателя». Однако формирование «цифровой экономики» привело к тому, что на первый план выходит один из элементов организационного признака, а именно подчиненный характер труда работника, его зависимость от работодателя. При этом данная зависимость является не только организационной или имущественной, но и информационной, что особенно характерно для занятости на платформах [29, с. 58–68]. Отчасти с платформенной занятостью, хотя и не только с ней, связан рост нестандартных форм занятости и нетипичных трудовых отношений [30, с. 8–28; 31]. В данном случае возникает та же проблема. В соответствии с этим необходима корректировка не только законодательства, но и руководящей судебной практики. Это не значит, что личностный и имущественный признаки утратили свое эвристическое значение. Просто их значение неуклонно снижается, а яркость их выражения постепенно падает.

2. Информатизация трудовых отношений делает особо острым вопрос о защите информации. Речь идет не только о персональных данных, но и, в более широком смысле, личных неимущественных правах работника [32]. При этом можно только приветствовать новации Трудового кодекса РФ, связанные с заменой бумажной трудовой книжки на сведения о трудовой деятельности (ст. 66.1) и введением электронного документооборота в сфере трудовых отношений (ст. ст. 22.1–22.3 ТК РФ). Однако это еще больше обостряет вопрос по таким проблемам, как использование системы блокчейн [33, с. 85–123], электронной подписи (усиленной, усиленной квалифицированной), право сбора «больших данных» о работнике и др. Это же касается возможности использования средств связи и коммуникаций для слежения за поведением работника, в том числе во вне рабочее время. В конечном итоге речь идет о возможности создания на рабочем месте «электронного концлагеря» [34] или «информационного аквариума». Нам представляются два пути смягчения данной проблемы. Во-первых, это законодательное ограничение на получение и обработку сведений о работнике. Во-вторых,

ужесточение административной и уголовной ответственности за нарушение установленных запретов.

С этим тесно связан новый подход к охране труда в условиях информационного общества. Она должна быть связана не только с техникой безопасности, санитарией и гигиеной труда, как это было традиционно, но и «информационной техникой безопасности», ограждением работника от вторжения в его интимную информацию и защитой от излишнего информационного давления, в том числе моббинга (в форме буллинга, боссинга и стаффинга).

3. Одним из вызовов новой экономики может стать взрывной рост безработицы, особенно среди низкоквалифицированных работников. Очевидно, что уже сейчас под угрозой массовых сокращений находятся такие ныне массовые профессии, как водители, охранники, металлурги, работники сборочных цехов и др. Создание новых рабочих мест может составлять существенную проблему, с учетом того, что наиболее трудозатратной является именно классическая индустриальная экономика с конвейерной сборкой и типовой занятостью. Кроме того, обостряется риск впадения в бедность при чрезвычайной ситуации, так как даже в экономически развитых странах Запада отмечается вымывание среднего класса или даже утверждается его отсутствие [35, с. 10–13]. В этой связи стоит поставить (подчеркнем еще раз, только поставить) вопрос о гарантированном (безусловном) минимуме, или базовом доходе, который выплачивается всем гражданам независимо от участия в трудовой деятельности. У такого подхода есть много как сторонников, так и противников [36, с. 7–142; 37; 38, с. 576–601]. Однако в качестве перспективы такой вариант необходимо рассматривать уже сейчас.

Список литературы

1. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. М.: АСТ, 2017. 384 с.
2. Крауч К. Победит ли гиг-экономика? М.: Изд. дом ВШЭ, 2020. 144 с.
3. Мангер М. Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 256 с.
4. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
5. Лебедев В.М., Мельникова В.Г., Назметдинов Р.Р. Трудовое право: опыт сравнительно-правового исследования. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 480 с.
6. Линец А.А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе. Дис. ... докт. юрид. наук. М.: МГУ, 2021.

7. Трудовое право: национальное и международное измерение / Под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. Т. 2. М.: Норма, 2022. 567 с.
8. Lebedev V., Radevich E. (eds.) Labour law in Russia: Recent developments and new challenges. Adapt labour studies book-series. Cambridge Scholars publishing, 2014. 315 p.
9. Лушников А.М. Научно-технические революции и трудовое право (историко-правовой очерк) // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 9–11.
10. Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право и цифровая экономика: российский опыт в контексте мировых тенденций // Ежегодник трудового права. 2020. № 10. С. 19–29.
11. Лушников А.М., Лушникова М.В. Четвертая научно-техническая революция и трудовое право: реальные вызовы // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 3–6.
12. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985. Т. 1. 512 с.
13. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985. Т. 2. 454 с.
14. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. СПб.: Экономическая школа, 2009. 384 с.
15. Стиглер Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Институт Гайдара, 2017. 336 с.
16. Уайт Л. Борьба экономических идей. Великие споры и эксперименты последнего столетия. М.: Новое издательство, 2020. 446 с.
17. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. 224 с.
18. Михайлов А.Б. Подходы А. Пигу и Р. Коуза к вопросу интернализации внешних эффектов экономической деятельности // Научное обозрение. 2017. № 14. С. 96–98.
19. Рональд Коуз и новая институциональная теория / Под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова. М.: КНОРУС, 2022. 252 с.
20. Коротченко А.М., Виноградов Д.А. Провалы рынка. Деньги, дефицит, кризисы, дефолты, финансовые пирамиды, финансовые пузыри, банковская паника – звенья одной цепи. М.: Проспект, 2018. 155 с.
21. Кэссиди Д. Как падают рынки. Логика экономических катастроф. М.: Международные отношения, 2014. 520 с.
22. Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории. М.: Изд. Института Гайдара, 2016. 698 с.
23. Лушникова М.В. Учение о коллективных договорах и соглашениях на рубеже XX–XXI вв.: преемственность и новации // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Научный журнал. 2016. Вып. 10. С. 49–73.
24. Человек труда в цифровой экономике: новые реалии и современные вызовы / Под ред. В.Н. Мининой и др. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2021. 284 с.
25. Цифровое право / Под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
26. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. III. Трудовое право / Под ред. А.М. Лушниковой, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2020. 488 с.
27. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 128 с.
28. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч. II. Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль: Типография Губернского Правления, 1918. 188 с.
29. Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право. М.: Проспект, 2021. 768 с.
30. Трудовые отношения в условиях нестандартных форм занятости / Под ред. Н.В. Лютова, Н.В. Черных. М.: Проспект, 2022. 265 с.
31. Лушников А.М. Нетипичные трудовые правоотношения в контексте современных социально-экономических процессов: новации и традиции // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Научный журнал. 2017. Вып. 11. С. 7–23.
32. Лушников А.М. Природа и сущность личных неимущественных трудовых прав // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 13–16.
33. Тепскотт Д., Тепскотт А. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2018. 448 с.
34. Катасонов В.Ю. Мир под гипнозом цифры, или Дорога в электронный концлагерь. М.: Библиотека РЭО им. С.Ф. Шарапова, 2018. 424 с.
35. Вайс Х. Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение. М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. 200 с.
36. Брегман Р. Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Пабlisher, 2018. 356 с.
37. Ван Парайс Ф., Вандербохт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: ИД ВШЭ, 2020. 440 с.
38. Трудовое право: национальное и международное измерение / Под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. Т. 1. М.: Норма, 2022. 608 с.

LABOR LAW AS A MEANS OF MINIMIZING «MARKET FAILURES» IN THE INFORMATION SOCIETY: HISTORY AND MODERNITY

A.M. Lushnikov

This article is devoted to the author's analysis of the doctrine of «market failures» widespread in economic science. The general doctrine of this phenomenon associated with the name of the British economist A. Pigou is considered. Attention is drawn to proposals to eliminate the consequences of «market failures» by means of labor law. On the basis of this doctrine, proposals are formulated for resolving modern problems related to the regulation of labor relations.

Keywords: «market failures», A. Pigou, labor law, wages, working hours.

References

1. Brignolfson E., McAfee E. The second era of machines. Moscow: AST, 2017. 384 p.
2. Crouch K. Will the gig economy win? M.: HSE Publishing House, 2020. 144 p.
3. Manger M. Tomorrow 3.0. Transaction costs and the sharing economy. M.: HSE Publishing House, 2021. 256 p.
4. Schwab K. The fourth Industrial Revolution. M.: Eksmo, 2016. 138 p.
5. Lebedev V.M., Melnikova V.G., Nazmetdinov R.R. Labor law: the experience of comparative legal research. M.: Norm: INFRA-M, 2018. 480 p.
6. Linets A.A. The role of labor law in the economic system of society at the present stage: Dissertation of the Doctor of Law. M.: Moscow State University, 2021.
7. Labor Law: National and international dimension / Edited by S.Y. Golovina, N.L. Lyutova, T. 2. M.: Norm, 2022. 567 p.
8. Lebedev V., Radevich E. (eds.) Labour law in Russia: Recent developments and new challenges. Adapt labour studies book-series. Cambridge Scholars publishing, 2014. 315 p.
9. Lushnikov A.M. Scientific and technical revolutions and labor law (historical and legal essay) // Labor law in Russia and abroad. 2019. № 1. P. 9–11.
10. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor law and digital economy: Russian experience in the context of global trends // Yearbook of Labor Law. 2020. № 10. P. 19–29.
11. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. The fourth scientific and technical revolution and labor law: real challenges // Labor law in Russia and abroad. 2019. № 2. P. 3–6.
12. Pigou A. Economic theory of welfare. M.: Progress, 1985. Vol. 1. 512 p.
13. Pigou A. Economic theory of welfare. M.: Progress, 1985. Vol. 2. 454 p.
14. Blaug M. 100 great economists after Keynes. St. Petersburg: Economic School, 2009. 384 p.
15. Stigler J. Citizen and state. Essay on regulation. M.: Gaidar Institute, 2017. 336 p.
16. White L. The struggle of economic ideas. The Great controversies and experiments of the last century. M.: New Publishing House, 2020. 446 p.
17. Kose R. Firm, market and law. M.: New Publishing house, 2007. 224 p.
18. Mikhailov A.B. Approaches of A. Pigou and R. Coase to the issue of internalization of external effects of economic activity // Scientific vision. 2017. № 14. P. 96–98.
19. Ronald Coase and the new institutional theory / Edited by R.M. Nureyev and Yu.V. Latov. M.: KNORUS, 2022. 252 p.
20. Korotchenkov A.M., Vinogradov D.A. Market failures. Money, deficit, crises, defaults, financial pyramids, financial bubbles, banking panic – links of the same chain. M.: Prospect, 2018. 155 p.
21. Cassidy D. How markets are falling. The logic of economic catastrophes. M.: International Relations, 2014. 520 p.
22. Eichengrin B. Mirror Gallery. The Great Depression, the Great Recession, the learned and undeveloped lessons of history. M.: Ed. Gaidar Institute, 2016. 698 p.
23. Lushnikova M.V. The doctrine of collective agreements and agreements at the turn of the XX–XXI centuries: continuity and innovations // Bulletin of Labor Law and social security law. Scientific journal. 2016. Issue 10. P. 49–73.
24. The man of labor in the digital economy: new realities and modern challenges / Edited by V.N. Minina et al. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2021. 284 p.
25. Digital Law / Under the general editorship of V.V. Blazheyev, M.A. Egorova. M.: Prospect, 2020. 640 p.
26. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia. In 12 vols. Vol. III. Labor law / Edited by A.M. Lushnikov, R.L. Khachaturov. M.: Yurлитinform, 2020. 488 p.
27. Srnicek N. Capitalism platform. M.: Publishing house of the HSE, 2019. 128 p.
28. Tal L.S. Labor contract. Civilizational research. Part II. Internal law and order of economic enterprises. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government, 1918. 188 p.
29. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor law. M.: Prospect, 2021. 768 p.
30. Labor relations in conditions of non-standard forms of employment / Edited by N.V. Lyutov, N.V. Chernykh. M.: Prospect, 2022. 265 p.
31. Lushnikov A.M. Atypical labor relations in the context of modern socio-economic processes: innovations and traditions // Bulletin of Labor law and social security law. Scientific journal. 2017. Issue 11. P. 7–23.
32. Lushnikov A.M. The nature and essence of personal non-property labor rights // Labor law in Russia and abroad. 2020. № 1. P. 13–16.
33. Tepscoff D., Tepscoff A. Blockchain technology: what drives the financial revolution today. Moscow: Eksmo, 2018. 448 p.
34. Katasonov V.Yu. The world under the hypnosis of numbers, or the Road to an electronic concentration camp. M.: Library of the S.F. Sharapov RES, 2018. 424 p.
35. Weiss H. We have never been an average class. How social mobility misleads us. M.: HSE Publishing House, 2021. 200 p.
36. Bregman R. Utopia for realists: How to build an ideal world. Moscow: Alpina Publisher, 2018. 356 p.
37. Van Parais F., Vanderboht Ya. Basic income. A radical project for a free society and a healthy economy. M.: HSE Publishing House, 2020. 440 p.
38. Labor law: national and international dimension / Edited by S.Y. Golovina, N.L. Lyutova. Vol. 1. M.: Norm, 2022. 608 p.